

Юлия Чернова

Водопад в пустыне

Воздух был сух и горяч. Синее, без проблесков желтизны небо не предвещало появления туч. Даль затянулась легкой дымкой. В сухую пору это грозило бы песчаной бурей, а в сезон дождей предвещало ливень.

Амина т поправила белое головное покрывало, свистом подозвала лошадь и вскочила в седло. Она знала, что женщины в стойбище собирают детей, торопливо пересчитывают сорванцов, беспокойно оглядываются: не спустился ли кто из малышей на равнину? Мужчины гонят вверх по склону овечью отару. Скоро хлынет дождь. Растрескавшаяся от жара земля так суха и тверда, что не сможет впитать воду. Руслу пересохших рек мгновенно наполнятся, затем реки выйдут из берегов и вся равнина превратится в клокочущий поток, вскипающий белой пеной. Горе тем, кто окажется на его пути.

Белая кобыла двигалась неспешной рысью, но девушка не хотела ее подгонять. Не сомневалась, что успеет вернуться в шатер до начала дождя. Она даже натянула поводья и еще раз внимательно огляделась.

Перед ней простиралась равнина, поросшая

ковылем и полынью. Это была граница пустыни. Далее начиналось необозримое море волнистых песков. Пески сменялись мертвыми россыпями крупных камней и гальки, тянувшимися до безжизненного нагорья Гошшар. За горами снова лежали пески.

Девушка медленно озидала равнину. Каждую весну, в сезон дождей, сюда приходило ее племя — племя кочевников-скотоводов. Они покидали склоны Румяных гор и спускались в долину, называвшуюся Ходш.

Это был мир, изученный Аминат вдоль и поперек. Редкие олеандровые рощи, чахлые кусты акаций и тамарисков. Сухая, спекшаяся, опаленная солнцем земля. За восточным отрогом Румяных гор скрывалась долина под названием Этиаш. Там кочевало племя двоюродного деда Аминат. На западе, в излучине реки Беры, примостился крохотный городок Бериат.

Здесь, на равнине, годами ничего не менялось. Горизонт затягивало пеленой, шли дожди, наполнялись реки, зеленела трава. По траве брели овцы и верблюды, а за ними следовали люди и разбивали шатры. И снова горизонт затягивало дымкой, зноем дышала пустыня, высыхали реки, увядала трава, овцы и верблюды отступали на север в поисках свежего корма, а за ними торопились люди.

Изо дня в день, из года в год, из века в век. Порой Аминат казалось, что она живет не двадцать лет, а двести, знает каждую трещину в иссохшей земле. За двадцать лет ее жизни мир вокруг изменился так же мало, как за последние две тысячи.

Девушка поднесла ладонь к глазам, загораясь от солнца — на горизонте вскипали клубы пыли. Аминат смотрела, ничего не понимая. На ее памяти в сезон дождей ни разу не было песчаных бурь. Лишь через несколько мгновений она различила движущуюся точку. В необозримой дали, почти у самого горизонта мчался серебристый автомобиль, взметая вихрь пыли и песка.

Аминат медленно опустила руку. Белая кобыла переступила тонкими ногами и оглянулась на хозяйку, но та продолжала сидеть неподвижно.

Откуда в этих безжизненных землях взялась машина? Кому понадобилось ехать в пустыню? И зачем?

Облака пыли медленно рассеивались. В душе Аминат вскипало смутное беспокойство. Машина в пустыне. Это было необычно и удивительно. Племя вело столь размеренную жизнь, что все необычное внушало тревогу.

Девушка перебирала мягкую лошадиную гриву, медлила повернуть лошадь и уехать. Постепенно пыль и песок улеглись, и уже ничто не

напоминало о промчавшейся машине. Однако Аминат не могла успокоиться.

Может, кто-то возвращался в соседнее становище? Но девушка твердо знала — в племени ее двоюродного деда ни у кого не было машин. И снова ее уколола острая тревога.

Аминат не понимала, что с ней творится. Она выросла в пустыне и не привыкла робеть перед настоящими опасностями, тем более, никогда не боялась мнимых бед. А сейчас не находила себе места, точно животное, почуявшее засуху.

— Кругом пустыня, — тихо сказала Аминат. — Куда и зачем ехать на машине?

Отвечать на ее вопрос было некому, вокруг простирался безлюдный, безводный, беззвучный мир.

Аминат никогда не считала этот мир скудным и скучным.

Она пять лет проучилась в школе в Берияте, но так и не привыкла жить среди каменных стен. Берият казался ей тесным. Утешало лишь то, что город стоял на краю пустыни. С крыши можно было увидеть золотистые гряды песка, убегавшие к горизонту. И жили в Берияте так, как живут в пустыне — дружно. Вечерами собирались у огня, пели песни, рассказывали сказки. Порой Аминат даже забывала, что она не в родном шатре.

Гораздо тяжелее пришлось Аминат в Кафише,

где она дважды подолгу жила с отцом. Дома, лепившиеся друг к другу, дома, в кухнях которых можно было наткнуться на могильную плиту — ибо кладбища были тоже застроены, вселяли в нее ужас. Вселяла ужас и привычка городских жителей — от маленьких детей до стариков — любую свободную минуту проводить у телевизоров. Аминат случалось взглядывать на экран, но она не понимала страсти, с какой люди просиживали возле него часами. «Смотрят, как живут другие, а собственная жизнь в это время проходит мимо,» — думала девушка.

Она рвалась домой, на просторы пустыни. Бесконечно повторяла слова «Песни пустыни»:

«Ты говоришь, мой мир беден? Да, вокруг меня небо и песок, песок и небо. Но разве олениха в лесу больше любит своих детенышей, чем газель в пустыне? Но разве чайка над морем парит выше, чем сокол над пустыней? Мой мир вмещает то, что вмещает мое сердце. Мал он или велик — зависит от моего сердца.»

Аминат в сотый раз оглядела пустынный горизонт и повернула лошадь.

Она сидела в седле уверенно, как человек, обученный верховой езде с детства. Белая кобыла Намит, купленная два года назад на торге в Нубише, была любимицей хозяйки. Нами т отличалась не только редкостной для этих краев мастью; маленькая голова, длинные ноги придавали

ей вид особенно гордый и хрупкий.

Младшие братья и сестра, увидев эту лошадь, завистливо вздохнули, мать укорила отца:

— Балуешь дочь.

Сетун-ах, старейшина племени, в сомнении покачал головой:

— Эта кобыла не так вынослива, как наши лошади.

Аминат запомнила слова Сетун-аха: во время дальних переходов половину дороги брела пешком, ведя кобылу в поводу.

...Племя оставило горные склоны и разбило шатры на одном из холмов, возвышавшихся над равниной. От шатров тянуло ароматом жарящейся баранины и печеных лепешек. Начинался праздник Пойа, праздник первого дождя.

Аминат чуть сжала колени, понукая кобылу перейти на крупную рысь, но тут же натянула поводья, соскочила на землю и побежала навстречу человеку, которого не могла не узнать, не могла с кем-нибудь перепутать.

Асе х Али м спустился с высокого берега и протянул ей навстречу опаленные солнцем руки. Аминат прижала его ладонь к своему лбу, приветствуя, как женщине надлежит приветствовать мужчину, младшей — старшего. А потом порывисто и крепко обняла его — как невесте дозволено обнять жениха.

— Будет дождь, — сказала она. — И еще новость: машина проехала в пустыню, ты не заметил? И я говорила с матерью о нас с тобой...

Девушка надеялась, что ее последние слова сильнее всего заинтересуют Асеха. Вероятно, так и случилось, но он был мужчиной, а потому не мог обнаружить нетерпения, присущего только женщинам и детям. Он окинул взглядом горизонт, медленно и глубоко втянул воздух, словно пробуя его на вкус, и сказал:

— Дождь пойдет позже, к вечеру. Сильный дождь.

— Значит, травы в этом году будут густые и сочные, — порадовалась Аминат.

В ее мире ничего не боялись так, как засухи. Аминат едва исполнилось пять лет, когда началась опустошительная засуха. Аминат до сих пор помнила тучи мух, вьющихся над павшими животными. Засуха разорила многих скотоводов. Два ее деда вынуждены были уйти на север, искать заработка и пропитания в городах.

— Будет вдоволь воды, — повторила Аминат.

Асех кивнул. Лицо его озарилось мальчишеской улыбкой, странной на суровом, дочерна загорелом лице.

— Что сказала твоя мать?

— Сказала, что я налетела внезапной песчаной бури и застала ее врасплох.

— Разумеется, врасплох, — преувеличенно серьезно согласился Асех. — Легче найти озеро в пустыне, чем девушку, рвущуюся замуж. Проще утолить жажду песком, чем встретить женатого мужчину. А мы захотели пожениться. Конечно, Дамига удивилась такому чуду.

Оба помолчали. Девушка знала, что новость не порадовала Асеха, но он не позволил отразиться на лице недовольству, как прежде — нетерпению. Асех был всего на два года старше Аминат, но в пустыне взрослели рано. Он давно мог жениться, однако ждал Аминат. А ее не спешили выдавать замуж.

— Мама ответила, что должна подумать. Не знаю, долго ли...

— Недолго, — успокоил Асех. — Пока не подрастет Алия. Должен же кто-то вместо тебя помогать по хозяйству и присматривать за младшими детьми.

— Шесть лет ждать?! — ужаснулась Аминат. — Эта ленивица вырастет нескоро!

Тут она фыркнула, сообразив, что Асех шутит. Твердо заявила:

— Поговорю с отцом, когда вернется из Кафиша.

— Отец решает судьбу сына, — возразил Асех, — за судьбу дочери отвечает мать.

— Тогда я снова ее попрошу.

Улыбка Асеха стала явственнее.

— Нетерпение украшает невесту.

— Зато сдержанность не к лицу жениху!

Асех продолжал улыбаться ее горячности.

— Не спеши. Лучше я сам поговорю и с твоим отцом, и с Сетун-ахом.

Аминат, дай себе волю, долго бы еще курилась от негодования, как песчаная дюна под ветром. Однако, если Асех не считал нужным тревожиться, то не пристало беспокоиться и ей. Было бы смешно, откажись она доверять уму и силам собственного избранника.

Асех, видя, что она успокоилась, заговорил о другом:

— Какую машину ты видела?

— Серебристую машину, вон там, — она вытянула руку, указывая.

— Я тоже ее заметил.

— Да, она ехала с запада на восток, вдоль хребта Румяных гор. Наверное, — из Бериата. Только куда? Никак не могу догадаться.

— Здесь не бывает ни туристов, ни ученых, — с расстановкой проговорил Асех.

— Я подумала: может в соседнем становище кто-нибудь заболел? Они поспешили за врачом, и это неслась в Этиаш санитарная машина?

— Нет, — ответил Асех после короткого раздумья. — Заболей кто-нибудь из соседей, мы бы

непрерывно узнали. Они поехали бы в Бериат за врачом мимо нашего стойбища.

— Верно, никто не проезжал, — согласилась Аминат. И снова в ее сердце змеей вползла тревога. — Чья же это была машина, Асех?

Он улыбнулся и, делая вид, что поправляет покрывало девушки, коснулся ее блестящих черных волос. Обычно женщины племени заплетали четыре косы и укладывали короной. Но Аминат причесывалась на городской манер, скручивая волосы в тяжелый узел на затылке. Волосы у нее были густые, но не вились, о чем она в тайне не переставала сокрушаться, завидуя кудрявым подружкам.

Асех провел кончиками пальцев по ее волосам, дотронулся до висков. Сказал внезапно тихо:

— Аминат... Машина давно уехала, песок занес отпечатки шин. А мы все гадаем...

Девушка прижалась щекой к его руке — словно к раскаленному на солнце камню прильнула.

Послышался шелест осыпающегося песка и мелких камешков. Асех отдернул руку. С обрыва, проваливаясь по щиколотку в песок, сбегала девочка. Летела так стремительно, что чуть не промчалась мимо. Асех подхватил ее и удержал.

— Алия! — воскликнула Аминат, не выказывая ни малейшей радости от встречи с

сестрой.

Догадливая девчонка сообразила, что явилась не вовремя, и начала оправдываться:

— Меня мама послала. За тобой. Нужно укрепить шатер — утром, в спешке, плохо поставили.

Она обращалась к Аминат, но смотрела на Асеха и улыбалась самым умильным образом, пока не вызвала ответную улыбку. Затем быстро повернулась к старшей сестре и показала язык. Потом закружилась на месте, хвастаясь праздничным нарядом — красной рубахой, шароварами в красную и черную полоску и белым покрывалом.

Алия горной козой взлетела по крутой тропе на одну из вершин холма, издавека напоминавшего спину верблюда. Холм так и назывался «Двугорбым.» Аминат, сберегая драгоценную лошадь, избрала другой путь. Плавный, еле заметный подъем вел в седловину между двумя «горбами». Склон, обращенный к седловине, был пологим, его с легкостью одолевали и лошади, и овцы, и верблюды.

Оказавшись наверху, Аминат снова увидела Алию. Младшая сестра заметно присмирела, и не диво: у тропы поджидала мать, а детям было прекрасно известно, что Дамига не выносит капризов. Она не была суровой, но — очень

требовательной; редко кто отваживался ей перечить. Ее окружало особое поклонение — Дамига слыла первой сказительницей племени. Никто не умел лучше нее оживить древнюю сказку, заставить слушателей плакать над судьбой несчастных влюбленных или смеяться над проделками хитрецов.

Аминат глядела на мать с робостью и восхищением. Дамига успела нарядиться к празднику, тонкие золотые браслеты позванивали на запястьях и щиколотках; широкие, литые — стягивали руки выше локтей. Вместо обычного шнура, поддерживавшего головное покрывало, лоб охватывала цепочка с подвесками. Две цепочки и ожерелье покоились на груди, на пальцах поблескивали кольца — муж не уставал засыпать Дамигу подарками. Ни одну женщину племени так не баловали.

— Алия, расседлай кобылу, — распорядилась Дамига. — Аминат, ступай за мной.

Дамига шла быстро, словно едва касаясь земли. Она до сорока лет сохранила удивительную девичью походку. В племени говорили: «Ходит, как поет.»

Отец Аминат уверял, что влюбился в Дамигу, даже не успев ее хорошенько рассмотреть — едва только приметил издали, как она идет по песку, нет, плывет над песком. Он и теперь был влюблен в

Дамигу, как в первый год супружества. Все в племени видели подтверждение этому: Дамига не старела.

Аминат с матерью приблизились к шатрам, похожим на острые горные хребты. Обычно на кочевье собиралось двадцать-тридцать человек, живших в пяти-семи палатках. Но племя Аминат было велико. Шестьдесят шатров выстроились в круг. Шестьдесят островерхих громадин, сшитых из полос плотной ткани. Ткань эту изготовляли из шерсти черных овец, примешивая коричневую верблюжью шерсть. Шатры великолепно защищали от палящего зноя днем и ледяного холода ночью, от ливней и песчаных бурь.

В кочевье царило оживление. Мужчины спешно доили коз и верблюдов, женщины готовили еду. Все двигались быстро, сосредоточенно; часто поглядывали на небо. Дети вертелись тут же, стараясь помочь, но больше мешая. Даже собаки разделяли всеобщее возбуждение и не лежали в тени олеандров, а с лаем носились вокруг шатров.

Взрослые переговаривались редко, вполголоса, никто не пел. Только лай собак да возгласы детей нарушали тишину.

Подойдя к шатру, Аминат увидела, что мать ее не дождалась и сама заново укрепила деревянные колья. Боковые стенки из плотной шерстяной материи были подняты. В тени, отбрасываемой

верхним полотнищем, на пестром красно-оранжевом ковре спали младшие братья.

— Разбуди детей и одень их, — велела Дамига.

— Да, мама.

— Ты чем-то встревожена?

Аминат не решилась признаться, что более всего обеспокоена нежеланием матери выдать ее замуж.

— Я... видела странную машину.

Дамига приподняла узкие брови. Аминат поспешила объяснить:

— На восток, в сторону Этиаша, проехала машина.

— И что же здесь странного? — спокойно спросила мать.

— Ни у кого в кочевье нет машины. И туристы сюда не приближаются...

Дамига отвернулась и равнодушно сказала:

— Занимайся своими делами, дочь. Будет больше проку.

Девушка опустила боковые полотнища шатра и скрепила их особыми булавками. Слова матери ее не уязвили, но удивили. Аминат не требовалось подгонять, а Дамига никогда не понукала детей понапрасну. Казалось, она хотела поскорее прервать разговор.

Аминат удивилась. Сперва ее озадачило

появление машины, теперь — поведение матери.

Долго предаваться раздумью Аминат не пришлось. Пятилетний брат, считавший себя взрослым, увернулся, выхватил одежду из рук сестры.

— Дай, я сам!

И мгновенно натянул шаровары задом наперед.

Трехлетний брат, беря пример со старшего, стал надевать рубаху, запутался в рукавах, и скоро по ковру катался тугой брыкающийся узел.

Пока Аминат высвободила и одела брата, пока принарядилась сама — начало темнеть.

Ночь надвигалась стремительно, а с нею — дождь. Ледяным порывом пронесся ветер. Затем наступило затишье — краткое затишье перед ливнем.

Близ шатров запылали костры, собрались дети. Шумные игры и беготня были забыты; ребятишки степенно расселись возле огня. Старшие хранили молчание, младшие изредка перешептывались, но глаза у всех блестели одинаково ярко.

Взрослые, взявшись за руки, двинулись вокруг костров. В черное небо взметались россыпи искр, отсветы пламени озаряли веселые лица. Мерцали золотые украшения — женщины приделались к празднику. Ярче всех вспыхивали

цепочки и браслеты Дамиги: будто волны пламени пробегали по одежде.

Наряд ее дочери был много скромнее, но Аминат радовалась и новому покрывалу, и двум браслетам. А еще больше радовалась тому, что Асех не сводил с нее взгляда. Разговаривать они не могли, и девушка ждала, когда зазвучит песня.

И песня полилась: медленная, долгая, словно переход в пустыне. В ночной тишине звучали слова древней «Хвалы воде.»

«Кто знает вкус воды? Тот, кто живет на берегу моря и каждый день видит солнечные лучи, играющие в морских волнах? Кто знает вкус воды? Тот, кто живет на берегу озера и каждый день видит силуэты деревьев, отраженные в озерной глади? Кто знает вкус воды? Тот, кто живет на берегу реки и каждый день видит лодки, несомые тихими струями?»

Нет, вкус воды знает лишь житель пустыни. Он припадает к воде иссохшими губами: глоток воды — глоток жизни. Кто лучше знает вкус воды?»

С последними словами руки разжались, круг распался. Теперь говорить надлежало по очереди. Все взрослые, начиная со старейшины Сетун-аха и заканчивая юной Михеб, которой накануне исполнилось шестнадцать лет, могли произнести три фразы. Сперва следовало вознести

благодарность за радости минувшего года, затем попросить благополучия для всего племени, потом пожелать грядущих радостей для себя.

Сетун-ах благодарил за воду, и просил воды, только воды — для племени и для себя.

Дамига благодарила за зеленую траву и тучное стадо, для племени просила здоровых детей, а для себя — благополучного возвращения мужа из Кафиша.

Аминат с нетерпением ждала, когда заговорит Асех. Вскоре послышался его голос — сильный и ровный, как ночной ветер.

— Благодарю за зной и за стужу, за жажду и скудную пищу, за все, что делает нас мужественными. Прошу о том, чтобы всегда мы, даже чужие по крови, были друг другу родными. И еще прошу... — он сделал секундную паузу, подмеченную лишь чутким ухом Аминат. — Прошу, чтобы никогда я не обманывал ничьих надежд, и чтобы никто не обманул моих надежд.

Аминат слушала, радуясь. Асех и впрямь не обманывал надежд. Он сказал все, что она желала услышать, но сумел быть скромным и не задел ее гордости.

Ответ девушка придумала заранее, и когда настал ее черед, сказала:

— Спасибо за все услышанные сказки. Пусть голоса рассказчиц звучат как можно чаще. Мечтаю,

чтобы счастливые концы бывали не только в сказках.

Стоявшая рядом Алия тихонько рассмеялась: как известно, сказки нередко заканчиваются свадьбой.

Юная Михеб возносила хвалу судьбе за большую семью и уютный шатер. Хотела, чтобы этому же мог радоваться каждый человек в племени. А следующую просьбу шепнула так быстро и тихо, что никто не разобрал ни слова.

Первые капли дождя упали на землю — тяжелые и редкие. Дождь как будто еще только раздумывал, а дети уже скакали, протягивая руки к небу, напрочь позабыв о чинных манерах. И наконец обрушилась громада воды.

...Снаружи шумел дождь. В шатре пылал костер, по углам сгустились тени, скрыв свернутые шкуры и циновки, узлы с одеждой, блюда и кувшины, отставленные после трапезы. Возле огня устроилась Дамига с детьми, ее младшие сестры — обе гибкие и тонкие, как виноградные лозы. Чуть дальше примостились подружки Алии. Они непрерывно шептались и хихикали, шустрые и лукавые, словно песчаные лисички. Маленькие сыновья Дамиги, напротив, молчали, подражая взрослым мужчинам и презрительно глядя на непоседливых девчонок.

Отблески пламени окрасили алым светлую

одежду Аминат, залили густо-малиновым цветом ковер. Огонь озарял лица и отражался в глазах, заставлял хозяев и гостей придвигаться ближе, садиться плечом к плечу. Никогда Аминат не чувствовала так остро единства семьи и всего племени, как в эти часы.

На мгновение откинулся полог, и в шатер проскользнул Асех. Отер мокрое лицо, сбросил насквозь промокший плащ. Дамига вежливо приветствовала гостя, но легким кивком приказала ему сесть в стороне от Аминат. Асех улыбнулся и расположился напротив, по другую сторону костра. И тотчас они с Аминат обменялись взглядами короткими и жаркими, будто прикосновения. Потом быстро отвели глаза в сторону, не желая вызвать всеобщих насмешек.

Дети изнывали от ожидания. Какую историю расскажет Дамига? Как пра-пра-пра-прадедушка Извар отправился на поиски овцы-золотой хвостик? Или они услышат повесть о царе Миташе и волшебной птице? Или Дамига поведаст о калифе Гаруне-аль-Рашиде?

— Сказку, сказку, — умоляли девочки, и даже сыновья Дамиги им вторили.

— Какую хотите? — спросила Дамига.

— Веселую! — хором закричали дети.

— Хорошо, — откликнулась Дамига, — слушайте. Эту историю любил рассказывать мой

дедушка.

Однажды он шел по дороге и, чтобы сократить путь, решил перепрыгнуть через канаву с водой. Но канава оказалась широкой и он угодил точно в середину. Оказавшись в воде, дедушка принялся вздыхать: «Ох, молодость, молодость. Быть бы мне сейчас молодым и сильным!» Затем он оглянулся по сторонам, увидел, что вокруг никого нет и признался: «Вообще-то, я и в молодости не был ловким.»

Собравшиеся в шатре взрослые дружно рассмеялись. Дети, напротив, почувствовали себя обманутыми. Взмолились наперебой:

— Настоящую сказку!

— Волшебную!

— Про веселого башмачника!

— Про бедного брата и богатого брата.

— Про мудреца и хитреца.

— Ладно, — кротко согласилась Дамига. —

Вот история про мудреца и хитреца.

Она помедлила, затаенно улыбнулась, и начала:

— Однажды судья и купец встретились на дороге с бедняком. Они захотели посмеяться над ним и спросили, почему он ходит в рваной одежде и босым. Бедняк отвечал со вздохом: «Еще недавно я жил в достатке и произносил проповеди, но односельчане изгнали меня.»

«Почему же?» — удивились судья и купец.

«Однажды, вместо того, чтобы сказать: все воры сгорят в аду, я сказал: все купцы сгорят в аду. В другой раз, вместо того, чтобы сказать: все пройдохи сгорят в аду, я сказал: все судьи сгорят в аду.»

Купец и судья посмотрели друг на друга. Купец покраснел до ушей, у судьи даже лоб краской налился. А бедняк пошел своей дорогой, приговаривая: «Тот, у кого нет денег, оттачивает свой ум.»

Дождь хлестал по крыше и стенам шатра. Взрослые вновь смеялись, а дети стонали от разочарования. Алия, считавшая себя взрослой, тоже посмеивалась, но приговаривала умоляюще:

— Расскажи длинную сказку!

— Про царя Миташа, — вторили ее подружки.

— Или про Гаруна-аль-Рашида, — подала голос Аминат.

Видя, что уже и старшая дочь потеряла терпение, Дамига сжалилась.

— Так и быть. Я расскажу вам сказку, которая называется «Мудрый советник.»

Она придвинулась ближе к огню, сложила руки на коленях и заговорила:

« Рассказывают, что однажды Гарун-аль-Рашид собрал во дворце мудрейших советников и сказал:

— Тревожные вести коснулись моего слуха. Ремесленники жалуются на непомерные поборы, торговцам житья нет от разбойников, бедняки сетуют на несправедливых судей. Какой совет подадите?

— О, повелитель. Ремесленники тревожатся попусту, — ответил первый мудрец. — Удвой налоги и увеличь число сборщиков податей. Увидишь, сколько еще можно взять с твоих подданных.

— О, повелитель. Торговцы волнуются понапрасну, — отозвался второй мудрец. — Увеличь пошлины на товары, и купцы станут отчаяннее защищать свое добро от грабителей.

— О, повелитель, — откликнулся третий мудрец. — Разве не заботится Аллах о богатых и знатных, о купцах и вельможах, посылая им золото без счета и удачу в делах, не тревожась о бедных? Так же поступают и судьбы.

Выслушал калиф советников, и заметил:

— Думал, вы печетесь о славе нашего царства. Но вы печетесь лишь о собственной славе. Думал, печетесь о богатстве нашего царства, но вы печетесь лишь о собственном богатстве. Думал, печетесь о могуществе нашего царства, но вы печетесь лишь о собственном могуществе. Прочь с глаз моих.»

Аминат слушала, затаив дыхание, да и

остальные ловили каждое слово. Дамига рассказывала удивительно. Трудно было поверить, что эта история ей хорошо известна. Казалось, Дамига описывала то, что творилось перед ее глазами прямо сейчас. Она сама видела и заставила слушателей увидеть толстых советников, восседающих на узорчатых подушках, услышать их ленивые, небрежные речи, подметить краску гнева на гордом лице калифа.

«Прогнал калиф советников и позвал брата своего, Джафара.

— Говори, что делать.

— Если хочешь узнать, как живет простым людям, переоденься бедняком и выйди в город.

Калиф ответил:

— Я так и сделаю, а ты пойдешь со мной.

— Слушаю и повинуюсь, — отвечал Джафар.

...Горшечник Ахмет всю жизнь трудился от рассвета до заката. Знал: придет время, когда спина согнется и руки ослабнут, когда не сможет он лепить узкогорлые кувшины и широкие плошки, раскрашивать их белой и голубой краской, обжигать в печи. Тогда настанут черные дни. На эти черные дни и откладывал Ахмет деньги. Двадцать монет скопил.

Ночами Ахмет беспокойно ворочался с боку на бок, решая, что делать со своими жалкими медяками. «Зарыть в саду? Но я уже стар, могу

позабыть место. Поставить метку? А если кто-нибудь догадается и украдет? Придется на старости лет просить подаяние... Отнесу-ка я деньги судье! У него на дверях — запоры, на окнах — решетки.»

Судья Мустафа был человек почтенный. Рослый, дородный, осанистый. В руках — цепкость, во взглядах — значительность. Выслушал Мустафа просьбу горшечника, пересчитал деньги. Вдохнул:

— И это все твое богатство?

Стыдно Ахмету стало, будто в чем провинился. Склонил голову. Под ноги себе невольно посмотрел — ковер узрел. На стены взгляд перевел — видит, и стены в коврах. Потолок — и тот коврами обит. А посреди коврового великолепия стоит судья, в парчовый халат облаченный, монеты по одной перебирает. Говорит, поучая:

— Аллах вознаграждает тех, кто трудится. Наверное, ленив ты, Ахмет, работы бережешься.

Посмотрел горшечник на руки свои загрубевшие, на белые пальцы судьи и ничего не ответил. Мустафа вновь взвесил деньги на ладони.

— Что ж, Ахмет, сберегу твое сокровище.

Низко поклонился горшечник, поблагодарил судью и поспешил домой, глину месить, лепить кувшины и плошки.»

Дамига умолкла, и Аминат осознала, что

находится в шатре. Мысленно девушка успела побывать в мастерской горшечника и в доме судьи. А судя по тому, как ерзали на месте младшие дети, они до сих пор ощущали под ногами мягкий ворс багдадских ковров.

«Прошло время. Совсем сгорбился и поседел Ахмет. Глаза потеряли остроту, руки — сноровку. Перестали захаживать на двор Ахмета бойкие торговцы. Понял горшечник, что наступила старость и настало время забрать свои деньги. Отправился к судье.

За прошедшие годы Мустафа еще толще стал — парчовый халат расходится, борода на животе, как на подушке лежит. Улыбнулся судья — глаза превратились в узенькие щелочки.»

Одна из подружек Алии прошептала:

— Судья обманет Ахмета, да?

Никто не ответил.

Дамига склонила голову, будто прислушиваясь к далеким голосам. Невольно и остальные напрягли слух. Дамига заговорила, и голоса приблизились, стали отчетливее: старческий, дребезжащий — Ахмета, густой, маслянистый — судьи.

«— Заходи, добрый человек, расскажи о своих делах.

Объяснил Ахмет, что не может больше работать, хочет тихо и спокойно прожить

оставишься дни.

— Похвально, — отвечает судья. — На то и дана старость, чтобы оглянуться на прожитые годы, увидеть, сколько добра совершено, сколько зла. Успеть раскаяться, дабы предстать пред Аллахом с чистым сердцем. Верно ты решил. Всю жизнь трудился, пришла пора отдохнуть. Ступай, и да пребудет с тобой милость Аллаха.

И на двери указывает. Опешил Ахмет. Но — деваться некуда — осмелился попросить:

— Дай же мне деньги.

Удивился судья:

— Неужели ты ничего не скопил? Я думал, беседую с почтенным стариком, а вышло — с попрошайкой.

Бедный Ахмет чуть не заплакал.

— Как же, — говорит, — вспомни. Я принес тебе деньги на сохранение.

Разгневался судья.

— Оказывается, ты не попрошайка, а лжец! Денег я не брал.

Ахмет голос обрел, да как закричит:

— Верни двадцать монет!

Судья смеется.

— Ай, жадный ты человек, горшечник. Двадцать монет пожалел, такую малость!

Молил Ахмет, грозил, одно твердит судья: знать ничего не знаю.

— Я копил всю жизнь, — толкует Ахмет, надеется судью усовестить. — Без них не проживу.

— С двадцатью монетами тоже не проживешь, — успокаивает судья.

— Накажет тебя Аллах! — в сердцах воскликнул горшечник.

Повернулся, чтобы уходить. А судья ему вслед:

— Пока что Аллах наказал тебя. Верно, очень ты перед ним провинился.

Вышел Ахмет на улицу, оглянулся на дом судьи, белой стеной огороженный, разноцветными куполами украшенный. Стоит горшечник, куда идти — не знает. Солнце печет голову, в горле першит от пыли. Что дома, что на улице — все одно, умирать. Сел он на камень и заплакал.

— О чем плачешь, почтенный человек?

Отер Ахмет слезы, застилавшие глаза, видит, стоят двое. На одного посмотрел и обмер. Перед ним, судя по осанке, — султан или падишах. Глазами жгучими впивается, как коршун — клювом, до сердца достает. Ко второму обернулся — сердце зашло. Горит в черных глазах смех пополам с огнем. Смех победит — весь город развеселится. Огонь победит — всему городу заплакать придется.

А одеты оба нищенски, плащи — заплатка на заплате, халаты — прореха на прорехе, вместо

кушаков веревками подпоясаны.

Тяжко вздохнул старик и ничего не ответил.

А двое не уходят, спрашивают:

— Что за горе у тебя?

— Вы и сами бедняки, не поможете беде моей.

— Расскажи нам, — велел первый.

Так приказал, что язык у Ахмета сам собой повернулся. Поведал горшечник про свою обиду.

Видит — собеседник лицом красен стал. Глаза искры мечут, пальцы у пояса шарят, точно рукоять сабли ищут. Повеяло на Ахмета жаром — словно ветер из пустыни дохнул. Второй веки опустил, отвернулся, спрашивает негромко:

— Как зовут судью?

От его тихих слов дрожь пронизала Ахмета — будто ледяной воды за шиворот плеснули.

— Мустафа, да будут дни его чернее ночи!»

Аминат внезапно вспомнила, как Асех, отвернувшись, спросил одного из братьев: «Ты отнял воду у младшего?» Спросил так, что ей захотелось упасть на колени и молить за негодного мальчишку.

Девушка посмотрела через костер и встретила глазами с Асехом. Взгляд его был ярче огня в ночи. Аминат знала, как могло меняться его лицо, становясь суровой песков пустыни и ласковее весенних ростков. Таким и только таким

представлялся ей визирь Джафар, милосердный к обиженным и беспощадный к обидчикам.

«Отошли двое в сторону, советуются. Смотрит Джафар на владыку. Краска от лица калифа отхлынула, руки спокойно на груди сложены. До сей поры не вынес владыка Багдада ни одного несправедного приговора, обуздывает свой гнев и теперь.»

Молвил Гарун-аль-Рашид:

— Возможно ли, чтобы судья так поступил?

Хитрый старик нас обманывает.

— Это легко проверить, о повелитель.

— Легко ли? Судья уверяет, будто денег не брал, и нет свидетелей.

— Дозволь подать совет, о повелитель. Ступай к судье и вручи на сохранение десять монет. А завтра потребуй вернуть деньги.

Согласился калиф, к судье отправился, отдал на сохранение десять монет. Во дворец возвратился. А Джафар старика-горшечника домой отвел, усадил под навесом.

— Не отчаивайся. Завтра навестим тебя и придумаем, как от беды избавить.

Настал другой день, и накинул Гарун-аль-Рашид на плечи нищенский плащ, подпоясался грубой веревкой, обул стоптанные башмаки и отправился в город. А следом за владыкой поспешал его брат Джафар, также

одетый бедняком.

Подошли они к дому Ахмета, слышат — из-за стены веселый смех доносится. Рассердился калиф Багдада. Брови сдвинулись, грозу пророча. Из-под век молнии метнулись, в голосе раскаты грома слышались.

— Обманул нас хитрый старик!

Распахнули калитку, видят — гремит во дворе веселый пир. Со всей округи собрались бедняки. Лакомятся гранатами и виноградом, сладким вином угощаются, песни поют.

А хозяин уже навстречу спешит, гостей на почетное место ведет, чашу вина подносит.

— Пришла в мой дом радость, порадитесь со мной. Хотели мне помочь, позвольте же добром отплатить.

Калиф и спрашивает:

— Как же ты за одну ночь из бедняка богачом сделался?

Рассказал Ахмет все по порядку. Как простился с Джафаром и остался сидеть на камне.

Сидит, слезы роняет. Знает: надо встать, домой пойти, а ноги не повинуются. Пуще всякой ноши горе на плечи легло, придавило к земле. Нищета страшит, а сильнее — томит обида. Дом судьи коврами застлан, зеркалами увешан. Хозяин же польстился на двадцать медяков, чужим

потом добытых! И не найти на него управы. Известно: бедняку с богатым не тягаться.

Поднялся Ахмет, с трудом добрал до дому, сел во дворе под навесом и снова заплакал.

Скрипнула калитка. Поднял голову Ахмет. Смотрит — женщина приближается. Не высока, но и не маленькая — а прочее разве усмотришь под покрывалом?

— Прости, что явилась без зова. Иду мимо, слышу, вздыхает кто-то. О чем печалишься, горшечник?

Прислушался Ахмет — голосок не детский, но и не взрослый, не громкий, но и не тихий, не дерзкий, но и не робкий. Ласковый голосок.

Верно говорят: горе излить — душу исцелить.

— Всю жизнь я работал, надеялся, на старость кусок хлеба будет. А умру в нищете. Было у меня двадцать монет на черный день отложенных, так и те отобрал жадный судья.

Женщина с ноги на ногу переступила и дышать как будто чаще стала, да разве поймешь, что на уме, когда лицо покрывалом скрыто. Только голосок уже не ласково звучит.

— погоди же. Отважу судью льститься на чужое.

Ахмет в испуге руками замахал.

— Что ты! В суд идти нельзя — деньги не вернешь, впридачу и дом потеряешь.

— Судья знает: жаловаться ты не пойдешь. Вот и бесчинствует. Скольких еще обманет.

— Что же делать?

— Прочитать, чтоб неповадно было глумиться над бедняками.

— Как?

— На всякого хитрого найдется умный.

Засмеялась женщина, и Ахмету почудилось, будто под водяную струю хрустальный кувшин подставили.

Убежала она, а едва вечер наступил, вернулась вместе с маленьким мальчиком. И давай поучать горшечника.

— Пойдем к судье. Я первой в дом постучусь, ты — следом. И сразу требуй деньги. А когда отдаст...

Горшечник даже засмеялся невесело:

— Мустафа? Отдаст?

Женщина ничего слушать не стала:

— Судья деньги отдаст. Тогда скорее беги домой и скажи этому мальчику, чтобы к судье торопился.

Трудно ли запомнить? Все усвоил Ахмет, да ничему не поверил. Боится к судье идти, в маслянистые глазки взглянуть. Боится не только деньги, но и голову потерять.

Шаг за шагом, все же добрел. Женщина впереди поспешает, в руках какой-то ларец несет.

Смело направилась прямо к воротам, уверенно постучала, вошла. Пора и Ахмету за ней, да ноги в землю вросли. «Что же, — думает горшечник, — я хоть старый, да мужчина, а за меня женщина сражается?»

Превозмог себя. Ворвался в дом судьи — толстый слуга едва успел с дороги отскочить. Смотрит Ахмет и видит: сидит Мустафа на подушках, кальян курит, липкими пальцами засахаренный миндаль перебирает. Напротив — женщина, с ног до головы в покрывало закутанная. А между ними — ларец закрытый.

Увидел судья горшечника — в лице переменился. Как закричит Ахмет — чуть не охрип от натуги:

— Отдай деньги!

Судья с подушек вскочил, засахаренный миндаль рассыпал, кальян опрокинул, кинулся к сундуку, зачерпнул горсть монет, швырнул старику под ноги.

— Убирайся!

От радости забыл старик про негнущуюся спину и больные ноги. По ковру ползает, монеты собирает — все до единой подобрал. Не двадцать их оказалось, а вдвое больше. Завязал Ахмет деньги в пояс — и скорей прочь, пока судья не передумал.

Видит, у калитки маленький мальчик стоит, дожидается. Еще издалека закричал ему Ахмет:

— *Скорее, скорее беги к судье!*

Мальчик и припустил со всех ног.

Ждал Ахмет, ждал, но женщина к нему больше не заглянула. Не захотела, чтобы старик ей в ноги кланялся, слова благодарности твердил. Так и не узнал горшечник, как она хитрого перемудрила.

Выслушал калиф рассказ старика, наклонился к Джафару и шепчет:

— *О, Джафар, не будет мне покоя, пока не открою тайны.*

Кое-как допили вино, чтобы не обидеть хозяина. По кисти винограда взяли. Джафар ягоду отщипнул, калиф — и не притронулся. Распрощались поспешно. А хозяин заходит приглашает:

— *Двери моего дома всегда открыты для вас.*

Еле вырвались. Направились к дому судьи, а оттуда крики, брань доносятся. Из ворот старуха выбежала — покрывало сбито, седые космы растрепаны. Упала бы, да подхватил Джафар. Выпрямилась старуха, кулаком захлопнувшимся дверям погрозила.

— *Вижу, хозяин этого дома — невежа, — проговорил калиф. — Или ты очень провинилась?*

Точно разъяренная кошка зафыркала старуха.

— *Провинилась! Судиться вздумала с купцом Саидом!*

— *Купцом Саидом? — переспросил*

Джафар. — Не с тем ли, что сидит день-деньской в своей лавке, света белого не видит, высох весь и почернел?

— С тем самым.

— Не с тем ли, — продолжал Джафар, — что из-за мелкой монеты бранится визгливо на весь базар?

Старуха головой кивнула.

— Не с тем ли, — настаивал Джафар, — кто должникам дня отсрочки не дает, в рабство гонит?

Старуха только слезы молча вытерла.

— Чем же обидел тебя купец?

— Я вдова. Муж умер, нажитое добро воры разграбили. Есть у меня сын, в старости — подмога, в горестях — утешение. Невмочь ему было смотреть, как мать голодает. Задумал пойти в услужение к купцу Саиду. Заклинала я его, твердила — Саид, как паук, чужой кровью жив. Не послушал. Сговорился служить за часть товаров. С караванами ходил через пустыню, терпел стужу и зной, жажду и голод. От разбойников отбивался. Прибыль купцу принес несметную. А когда настал срок уплаты, раскричался купец: «Дармоед, ленивец! Я три года тебя кормил, еще и награды требуешь?!» Прогнал с глаз долой. Кинулась я к судье — справедливости искать.

Вдова опять заплакала.

— Что же судья?

— Судья Мустафа и купец Саид — как листок и ветка, как пламя и ветер! Друг от друга кормятся. Купец судье подношения несет, судья в пользу купца все дела оборачивает. Мустафа меня и слушать не стал. Кому теперь жаловаться?

— Калифу, — подсказал Джафар.

Старуха горько вздохнула.

— Высоки дворцовые стены. Разве увидит калиф наши беды? Сладостны звуки лютен и бубнов. Разве услышит калиф наши стоны?

И прочь пошла.

— О, повелитель, — сказал Джафар, — накажешь ли судьбу?

— Не солгала ли старуха? — усомнился калиф. — Может, ее сын ложился спать первым, вставал последним, даром ел чужой хлеб?

— Дозволь подать тебе совет, владыка. Расспроси погонщиков верблюдов. Они скажут, кто на мягких подушках дремал, а кто глотал пыль и песок.

— Твой совет разумен, — согласился калиф. — Ступай же за старухой, разужнай, где она живет.

Следующим утром накинул Гарун-аль-Рашид на плечи нищенский плащ, подпоясался грубой веревкой, обул стоптанные башмаки и отправился в город. А следом за владыкой поспешал его брат Джафар, также одетый бедняком.

Подходят они к дому старухи, удивляются. Ворота распахнуты, во двор мулы согнаны, тюками нагруженные. У дверей юноша стоит, каждого, кто мимо проходит, в дом зазывает, за угощение усаживает. Поклонился и калифу с Джафаром:

— Порадуйтесь нашей удаче.

Отведали они угощение, спрашивают:

— Как же вы за одну ночь из бедняков богачами сделались?

Рассказала старуха. Как возвратилась она от судьи, села во дворе.

Свет белый черной ночью кажется, слезы текут, не удержать. Только смотрит: женщина входит. В покрывало с ног до головы закутана. Да сразу видно — юная и стройная. Ступает легонько — песок под ногой не скрипнет, травинка не шелохнется. Спрашивает:

— О чем горюешь?

— Бедны мы, да жили свободными, а теперь станем рабами. В долг ела-пила, надеялась, сын возвратится — расплатимся. Сын вернулся без денег. Ростовщик продаст нас в рабство. Придется на старости лет плетей отвеждать.

Опустила женщина голову, носком туфли по песку водит, размышляет.

— Сходи к судье, попроси защиты.

Старуха руками замахала.

— Думаешь, не ходила? Еле ноги унесла.

Женщина не понимает.

— Завтра по-иному выйдет.

Старуха и слушать не хочет, судьи как огня боится. Уговаривала ее женщина, просила, все впустую. Наконец, о сыне напомнила:

— Старости своей не жалеешь, юность его пожалей.

Согласилась старуха. Лучшие гнев судьи снести, чем сына рабом увидеть. Женщина и убежала.

Всю ночь старуха глаз не смыкала, не знала, убиваться или надеяться. Утром, чуть свет, совершила омовение, сотворила молитву и к судье отправилась. Только постучалась, а Мустафа ей навстречу спешит, за руку берет, в дом вводит, на почетное место усаживает, просит про обиду поведать. Рассказала вдова судье все, как было. Обрадовался Мустафа. Кричит:

— Разбойник! Злодей! Узнает, как воровать!

А сам украдкой свежие синяки потирает.

Начал суд вершить, караваничков собрал, погонщиков верблюдов, дознание учинил. Пришлось купцу Саиду с сыном вдовы сполна расплатиться, да еще сверх положенного денег отсыпать, чтобы наказания избежать.

Выслушал калиф рассказ старухи, наклонился к Джафару и шепчет:

— О, Джафар, не будет мне покоя, пока не узнаю разгадки.

Кое-как допили вино, чтобы не обидеть хозяев. Взяли по гранату. Джафар зернышко отщипнул, калиф и не притронулся. Распрощались поспешно. А хозяйка заходить приглашает:

— Двери моего дома всегда открыты для вас.

Еле вырвались. Направились к дому судьи. По дороге заспорили, как женщина судью улестила, заставила горшечнику деньги вернуть и жадного купца наказать.

— Приходила с ларцом, — вспомнил калиф. — Деньгами поманила?

Джафар возразил:

— Если есть деньги, дешевле горшечнику и бедной вдове помочь, чем судью подкупить.

Согласился калиф.

— О, Джафар, я готов поверить, что она выпустила из ларца злого джинна. Недаром судья синяки потирал.

Джафар усомнился:

— Почему же судья поссорился с купцом Саудом?

Сколько ни гадали, не нашли отгадку. Пуще прежнего любопытство разобрало. Добрались до жилища судьи: Джафар у порога остался, калиф в двери вошел. И сразу к судье обратился:

— Вчера отдал я тебе на сохранение десять

монет. Верни.

Смотрит Мустафа: стоит перед ним бедняк, в плаще залатанном. Судья щеки надул, глаза выпучил, затрясся от ярости. Вспомнил, как горшечнику Ахмету лишние деньги швырнул. Однако быстро успокоился. Решил, что десять монет всяко при нем останутся. Глаза сузил, губы раздвинул — улыбку изобразил. Принялся укорять бедняка:

— Как же тебе не стыдно! Молодой, сильный, здоровый, а деньги норовишь хитростью выманить. Смотри, ослабеешь от безделья. Лучшие наймись водоносом. Разве плохая работа? К вечеру плечи ноют, зато сон крепок. Поверь, честно заработанный хлеб слаще украденного.

Слушал бедняк, слушал, да как взглянет на судью. У того язык к небу прилип. Много повидал судья глаз — лживых и честных, лукавых и простодушных. Много взоров ловил — молящих и угрожающих, трепещущих и бесстрашных. Но ни разу еще не читал во взгляде приговора.

Онемел судья. Хочет слуг позвать — голос не повинуется.

Сорвал бедняк с плеч залатанный плащ и на изнанку вывернул. Вспыхнуло золотое шитье, заискрились самоцветы. Понял Мустафа, кто перед ним. На колени упал. Позвал калиф Джафара. Ползает Мустафа у ног повелителя, о пощаде

молит.

— Сохраню тебе жизнь, если поведешь все без утайки.

Заплетающимся языком признался Мустафа, что горшечника Ахмета обманул. Потом и о женщине рассказал.

Пришла она под вечер. В руках серебряный ларец держит, перламутром изукрашенный. Мустафа сразу смекнул, какова цена такому ларцу. Женщина крышку откинула, вынула жемчуга да яхонты.

— Весь Багдад славит тебя, судью праведного и неподкупного, — сказала женщина. — Добрым от тебя защита, злым — посрамление. Муж мой уехал, осталась одна в доме. Боюсь, не забрались бы воры. Не возьмешься ли сберечь этот ларец, пока муж не вернется?

Мустафа от радости едва на подушках усидел.

— Давай ларец. Спрячу надежней надежного.

Женщина медлит, жемчужным ожерельем любуется, на пальцы колечки нанизывает. Мустафа дрожит от жадности: богатство само в руки идет! Возвратится муж этой женщины, поспешит она к судье за ларцом драгоценным. А судья ответит: «Не брал ничего». И мужу посоветует: «У жены спрашивай, для кого наряжалась, да у кого украшения позабыла.»

Только протянул руки к ларцу, как старик-горшечник ворвался. Да закричал на весь дом:

— Отдавай мои деньги!

Мустафа с места вскочил, к сундуку кинулся, горсть монет зачерпнул. Старика взглядом обжигает, а сказать ничего не смеет. Ларец в сотню раз дороже стоит. Пожалуется старик, пугливой птицей упорхнет гостья. Наконец, собрал Ахмет деньги, ушел. Мустафа велел двери запереть, никого не впускать. Женищина улыбается, жемчуга перебирает, яхонтами поигрывает. Мустафа чуть не приплясывает от нетерпения. Только протянул руки к ларцу, детский голосок у ворот слышался.

— Это мой сын, — встрепенулась женищина.

Пришлось отворить ворота. Мальчик вбежал в комнату, к женищине кинулся.

— Мама! Мама! Скорее идем домой! Отец вернулся!

Женищина ларец подхватила, к дверям метнулась. На бегу Мустафе крикнула:

— Прости, почтенный, что зря потревожила!

Остался судья ни с чем.

Засмеялся повелитель Багдада, засмеялся брат его, Джафар. И повелел калиф:

— Отныне, Мустафа, не быть тебе судьей.

Станешь водоносом. Чем плохая работа? К вечеру плечи ноют, зато сон крепок. Поверь, честно заработанный хлеб слаще украденного.

Оставили они судью на полу распростертым, во дворец возвратились. Велел калиф купца Сауда разыскать и привести. А тот и сам торопится — с жалобой на судью. Лбом об пол ударяется, коленями пол вытирает. Рассказывает.

Пришел судья Мустафа в дом купца Сауда. Устроил хозяин пир в честь гостя дорогого. Прекраснейших невольниц созвал, велел лютни и бубны принести. Только первые струны зазвенели, только первые стихи зазвучали, как сообщили купцу, что стоит у ворот женщина, в дом войти не решается, хозяина просит. Шагнул купец за порог. А судья к дверям поближе подобрался. Любопытно ему, что за женщина к Сауду пожаловала, о чем говорить будет.

Женщина, покрывалом скрытая, спрашивает купца:

— Не у тебя ли в гостях судья Мустафа, источник мудрости, воплощение честности?

— У меня.

— Прими для него плату небывалую, — громко говорит женщина, так что судья каждое слово слышит. — Ни от кого такую не получал. Передай, не откажи.

— Передам, передам, — успокаивает Сауд.

Женщина на носки приподнялась, перед самым носом купца пальцами щелкнула и в переулке исчезла. Пока купец глазами хлопал, ее и след простыл. Пожал Саид плечами, в комнату возвратился. А там судья поджидает, ладонь о ладонь трет:

— Давай скорее!

— Что давать?

— Деньги.

— Какие?

— Э-э, не хитри, купец! Я все слышал. Те, что женщина принесла.

— Ничего она не принесла.

Разъярился судья и закатил купцу оплеуху. Тот в долгу не остался. Невольницы лютни и бубны побросали, разбежались с визгом.

— Обидел меня судья, — жалуется купец Саид калифу. — Со зла и дело решил не в мою пользу. Смилуйся, не оставь сетования без ответа.

— Смилуюсь, — обещает калиф. — Только прежде велю объявить на всех площадях: «Купец Саид хочет примириться с теми, кого обидел. Ничьи жалобы без ответа не оставит.»

Как сказал, так и сделал. Потянулись в дом купца обиженные. Всех богатств Саида не достало — расплатиться. Пришлось Саиду идти в услужение к бедной вдове.

Наказал повелитель Багдада Мустафу и

Саида, но не изгнал тревогу из сердца. Приказал:

— Джафар, найди эту женщину.

Попросил Джафар три дня срока.

В первый день возвестили глашатаи по городу: «Каждый, кто милосердие явил, может прийти за наградой.»

Собрались у ворот дворца богачи. С парчовых халатов пылинки сдувают, добрыми делами похваляются. Один огрызок лепешки в ссохшуюся руку вложил. Другой — вместо сотни плетей даровал лишь девяносто девять. Третий — неверную жену утопил, а потом сотворил молитву.

Распорядился Джафар воздать каждому по заслугам. Первого объедками с дворцовой кухни закидали, второго гнали плетью до самого дома. Третий увидел рабов с мешком, полы халата подобрал, прочь помчался. Разбежались и остальные.

На второй день выслал Джафар стражников город прочесывать. Женщин в Багдаде немало, над чужой бедой многие плачут. Кого вести во дворец? Возвратились стражники ни с чем.

На третий день набросил Джафар плащ залатанный, надел башмаки стоптанные. Сел на главной площади, рукавом лицо закрыл — словно от горя сжался. Солнце взошло, торговцы лавки отворили, менялы монетами зазвенели, крик

поднялся: купцы товары расхваливают, покупатели цену сбавляют. Джафар не шевелится, точно шума не слышит. Солнце высоко поднялось. Горожане по домам разбрелись, собаки бездомные в тени легли, ушами подергивают, мух отгоняют. Джафар не двигается, точно жара не чувствует. Солнце закатилось, тьма настала, площадь обезлюдела. Джафар с места не сходит, точно звездного неба не видит.»

Аминат представляла базар — шумный, пестрый, пыльный. Воображала многоречивых и суетливых покупателей и торговцев. Человек, сидевший у стены, отличался от них, как отличается песчаный вихрь от ласкового ветерка, как кочевник — от горожанина, как Асех — от прочих мужчин.

«Шаги легкие раздались, голос прозвенел:

— Почему тоскуешь?

Отвел Джафар руку от лица. Видит, стоит женщина в темном покрывале. Вздохнул Джафар:

— Мой господин набрал в дом слуг. Попались слуги лживые да вороватые. Разгневался господин, прогнал их. А мне велел найти человека, который бы хитрых перемудрил. Три дня ищу, и все впустую. Сегодня истекает срок. Не сносить мне головы.

— И это вся твоя печаль? — засмеялась женщина, да так нежно, что у Джафара сердце заныло. — Веди меня к своему господину.»

Аминат не смотрела на Асеха, но чувствовала его взгляд. Когда-то он сказал ей: «От твоего смеха щемит сердце.» Иного признания между ними не было. Они просто знали, что поженятся. Знали чуть не с самого детства. Росли вместе, играли вместе, вместе ходили в школу в Бериате (Асех был на два года старше, но упросил отдать его в школу позже). Собирались и всю жизнь прожить вместе.

«Взял Джафар незнакомку за руку и отправился во дворец. Смутилась женщина, узрев повелителя правоверных. Но не испугалась. Приветствовала владыку, как подобает.

— Кто ты? — спрашивает калиф.

— Фатима, невольница АбуМахмеда, мудреца и книгочея. Воспитал он меня, как родную дочь.

— Ты проучила несправедного судью и алчного торговца?

— Наставлял Абу Махмед: не проходи мимо чужой беды.

— Не надоумишь ли, как стать умнее хитрых, сильнее злобных?

— Тут нет секрета. Чужое горе, как свое прими. Остальное — сердце подскажет.

— Откинь покрывало.

Повиновалась женщина. Взглянул калиф — улыбнулся. Взглянул Джафар — руку к груди прижал. Стоит перед ними красавица — стройная и соразмерная, лицом светла, кудрями черна.

Посмотрит — сердце отнимет.

*Заметил калиф, как побледнел Джафар.
Спрашивает Фатиму:*

— Снизойдешь ли к его печали?

Потутилась красавица.

— Если Абу Махмед позволит...

Не привык медлить владыка Багдада. Послал за мудрецом. Отдал Абу Махмед приемную дочь в жены Джафару. Обратился калиф к брату:

*— Всегда внимал советам твоим, а теперь и
подавно внимать стану, ибо к твоей мудрости
прибавится мудрость Фатимы.*

И назначил Джафара своим визирем.

*Дети радостным гомоном приветствовали
счастливый конец и тут же потребовали новой
сказки. Дамига не стала спорить.*

*— Рассказывают также... — начала
Дамига, и в шатре мгновенно наступила тишина, —
что Гарун-аль-Рашид повелел распать визиря
Джафара и стража месяц не дозволяла снять тело
с креста...*

*Аминат вскинула голову и встретила
взглядом с Асехом. У него был вид человека,
наступившего на рогатую гадюку. Он тоже никогда
не слышал этой сказки.*

*Дамига вела речь о каком-то нищем — он
оплакал Джафара и был чудесным образом
вознагражден.*

— Мама... — вымолвила Аминат.

Удивленная Дамига повернулась. Впервые старшая дочь прервала ее рассказ. И взрослые, и дети смотрели на Аминат с изумлением.

— Мама... Разве мог Гарун-аль-Рашид казнить Джафара? Своего брата? Верного советника?

Дамига простила дерзость дочери, ответила:

— Это было в жизни и осталось в сказках.

— Но за что?...

— Об этом не сложено историй.

— Мама, но...

— Помолчи, дочь. Твои родичи и друзья хотят услышать продолжение.

Аминат уже не могла слушать сказку. Думала об одном: почему калиф казнил своего брата? Неужели отдал приказ в гневе, в слепой ярости? Или поверил навету? Или Джафар запятнал себя изменой?

«А Фатима? Как Фатима пережила казнь мужа?» Аминат не приходило в голову, что в реальной жизни Фатимы могло и не быть. История и сказка сливались для нее в одно. Она знала, что не успокоится, пока не найдет разгадки.

Джафар представлялся ей похожим на Асеха. Такой, как Асех, не мог предать. Значит, пострадал безвинно.

Языки пламени, свиваясь, плясали перед

глазами Аминат. Заходило сердце, словно Асеху грозила неведомая беда.

* * *

Шум дождя перекрывался шумом ревущего потока. Аминат откинула покрывало и села на циновках. Прислушалась. Алия что-то бормотала во сне, сопели младшие братья, тихо и ровно дышала мать. Лил дождь, буйствовала река Хор — Аминат поняла, что сухое русло наполнилось, река вырвалась из берегов и бушует уже на равнине.

Аминат тихонько потянула к себе одежду, надела шаровары и рубашку, поднялась. Бережно перешагнула через спящую Алию, беззвучно пересекла шатер, выскользнула наружу и проворно опустила за собой полог, пока холодный воздух не потревожил спящих.

Дождь ослепил Аминат и чуть не сбил ног. На равнине ярилась вода. Осторожно ступая босыми ногами, Аминат двинулась вперед. Струи дождя хлестали ледяными плетями, мокрая земля ускользала из-под ног. Девушка знала каждый камень, каждый куст, каждую неровность склона, по которому шла. Только поэтому она не разбилась, спускаясь с холма в низину, туда, откуда донесся крик.

Аминат спешила изо всех сил, зная, как

страшны редкие ливни. Сухие русла мгновенно наполняются водой. Реки выходят из берегов, затопляют селения, смывают плодородные земли, сносят дома. Не спастись бедолаге, застигнутому разливом.

Снова послышался крик, но слов Аминат не разобрала. Увидела: худенькая женщина уцепилась за куст, пытаясь удержаться на склоне холма. Ноги ее скользили по грязи, не нащупывая опоры.

Аминат растерялась, не зная, что лучше: «Бежать вверх за помощью? Опоздаю! Самой вытаскивать? Сил не хватит».

Однако она уже ползла к женщине по крутому склону. «Соскользну — обе погибнем!»

— Аминат!

Она вскинула голову — дождь ударил в глаза.

— Асех!

Конечно, кто еще мог почуять беду и рвануться на помощь?

Дождь хлестал в лицо, обезумевшая река хватала женщину за ноги, но Асех поймал незнакомку за локоть и рванул к себе.

Аминат не верила глазам. Асех будто врос в холм. Застонал от напряжения и вытолкнул женщину на каменистую тропу.

Дождь набирал и набирал силу. Аминат задыхалась. Сейчас их сомнет, захлестнет и швырнет в поток.

— Скорей! — крикнул Асех.

Аминат развернулась и на четвереньках поползла к вершине. Асех — следом. Каким-то чудом он удерживался на ногах и тянул за собой незнакомку.

Громада воды обрушивалась с неба, слепила. Навстречу неся поток грязи и камней. Аминат буквально впивалась в землю, стараясь нащупать любой камешек, корень, выступ, найти опору. Казалось, пути не будет конца. Они разом оступятся, покатятся назад, вниз.

Изнемогая, они рвались вперед, пока не оказались в седловине между двумя «горбами» холма, на небольшой ровной площадке.

— Все, — выдохнул Асех. — Здесь река не достанет.

Женщина повалилась на землю, простонала:

— Спасибо.

Отдышалась, села и начала объяснять:

— Я сбилась с дороги. Думала возвратиться в Бериат, а тут наводнение... Только-только из машины успела выскочить. Если бы не вы...

Она говорила по-арабски почти без акцента, но Аминат давно распознала чужеземку. Да и трудно было не распознать: женщина носила шорты и рубашку, завязанную узлом на животе. К тому же, волосы незнакомки были коротко острижены, тогда как местные красавицы гордились длинными

косами.

«Куда она ехала? Ведь это, конечно, тот самый автомобиль!»

Асех легко коснулся плеча Аминат, напоминая о законах гостеприимства. Незнакомку следовало пригласить в шатер, и сделать это должна была женщина. Аминат спохватилась.

— Отдохните в нашем шатре.

Ожидала, что чужеземка проворно вскочит на ноги, гонимая желанием поскорее обсушиться и переодеться. Она и впрямь встала, только очень медленно, словно несла на плечах бурдюк муки. Аминат это не удивило: именно теперь, когда опасность была позади, навалилась усталость.

Незнакомка ответила:

— Я останусь здесь.

— В шатре теплее, — заверил Асех, чуть улыбнувшись.

Женщина захлебнулась коротким, истерическим смешком.

— Знаю. Но я не могу...

— Ваша вера запрещает? — спросила Аминат.

— Не вера, — незнакомка снова не то засмеялась, не то всхлипнула. — Совсем не вера...

Аминат беспомощно повернулась к Асеху. Было ясно: чужеземка с ними не пойдет. Не может пойти. Это не просто каприз, что-то и впрямь не позволяет ей переступить порог шатра. Но и они не

могут уйти, спокойно лечь спать, бросив измученную и промокшую женщину.

— Тогда мы тоже останемся здесь, — невозмутимо заметил Асех.

— Вы с ума сошли! — вскинулась она. — Этого не хватало!

Аминат с Асехом стояли недвижно, хотя холод пронизывал до костей. Последний день перед ливнем выдался особенно жарким, а с наступлением ночи температура упала почти на тридцать градусов. Ледяной дождь жалил нестерпимо.

— Чистое безумие, — с отчаянием пробормотала женщина и уступила. — Ладно! Ведите.

Выбиваясь из последних сил, они вскарабкались на вершину. Дрожа сильнее новорожденного ягненка, Аминат направилась к шатру. Незнакомка шла следом, шествие замыкал Асех.

В шатре было так тепло, что у Аминат на мгновение закружилась голова. Ей захотелось кинуться ничком на козьи шкуры, закрыть глаза и уснуть. Но прежде следовало позаботиться о гостье.

Дамига уже не спала. Она зажгла керосиновую лампу и поставила ее так, чтобы свет не тревожил младших детей. Братья продолжали дружно посапывать, Алия проснулась и, натянув до

подбородка покрывало, во все глаза смотрела на чужеземку.

— Она чуть не погибла, — начала объяснять Аминат и умолкла, расслышав прерывистый вздох женщины.

— О, нет, — прошептала незнакомка. — Я думала, вас только двое. А тут... как горошин в стручке.

Она попятилась и наткнулась на Асеха, загораживавшего выход.

Аминат посмотрела на мать, удивляясь, почему та молчит. Давно пора предложить гостье сухую одежду, теплое покрывало, кружку молока или сладкого зеленого чая. Затянувшееся молчание становилось невыносимым. Наконец мать разжала плотно сомкнутые губы и коротко потребовала:

— Подойди.

Незнакомка тряхнула головой, с мокрых волос во все стороны полетели брызги. На губах ее появилась странная улыбка: понимающая и одновременно виноватая. Незнакомка обошла Аминат, приблизившись к Дамиге.

Дамига подняла лампу повыше, рассматривая гостью, затем снова поставила. Произнесла одно-единственное слово. Это слово никогда еще не произносили в шатрах племени. За многие столетия ни одному гостю не было сказано: «Уходи.»

— Уходи, — повторила Дамига решительно и непреклонно.

Аминат зажмурилась, точно глаза ей засыпало горячим песком. Не было сил смотреть, как промокшая насквозь и замерзшая женщина развернется и уйдет назад, под дождь.

— Хорошо, — заторопилась чужеземка. — Ухожу.

— Остановись, Дамига, — голос Асеха дышал яростью песчаной бури. — Одумайся. Ты гонишь ее из теплого шатра. Гонишь на дождь и холод.

— Я охраняю свой дом и своих детей, — ответила Дамига.

— От какой беды?

— Спроси у этой женщины.

— Законы гостеприимства священны. Дамига, ты позоришь и себя, и все племя.

Аминат хотелось зажать уши — слова Асеха язвили почище жала скорпиона.

— Я обещал чужеземке кров, — сказал Асех. — Она уйдет — я уйду.

— Уходи, — откликнулась Дамига.

— Я тоже звала ее в шатер, — почти беззвучно шевельнула губами Аминат. — Я тоже уйду.

— Не смей никуда уходить, дочь, — вскинулась Дамига.

Лицо Асеха на мгновение смягчилось.

— Повинуйся матери, Аминат. Остайся.

Аминат упрямо шагнула к выходу. И услышала жесткие слова Асеха:

— Я запрещаю тебе идти за мной.

Незнакомка подняла полог и шагнула наружу, под дождь. Асех вышел за ней. Аминат как была, в мокрой одежде, села на постель. Алия не пошевелилась и не издала ни звука. Дамига наклонилась и погасила лампу.

* * *

Аминат никогда не болела. Но утром, пытаясь встать, она упала, и вынуждена была снова лечь. Все тело жгло, точно она ночевала в муравейнике. Мать принесла ей козьего молока и велела выпить. Аминат глотала через силу.

— Ты промокла и замерзла, — и голос, и взгляд Дамиги наполнились тревогой. — Лежи, не вставай.

Аминат лежала, отвернувшись к стене. Радовалась, что в шатре полумрак: огонь не горит, полог опущен. Болели глаза, головы было не поднять, пекло горло, но хуже всего донимало безделье. С детства Аминат не случалось залеживаться в постели, и теперь неподвижность ее угнетала. К тому же Асех почему-то не шел ее проведать.

От слабости, от воспоминаний о вчерашнем хотелось плакать. Аминат закрыла глаза ладонью. Она была взрослая и стыдилась слез. Стараясь отвлечься, девушка принялась гадать, где пережидала дождь незнакомая женщина. Асех не мог привести ее в шатер своего отца: мать Асеха умерла три года назад, и в шатре оставались одни мужчины. Значит, он отвел женщину к своей замужней сестре.

Аминат не сомневалась, что кроткая Отиш не осмелилась перечить брату и приняла гостью как положено.

Ей вспомнилось, как сурово мать отрезала: «Уходи», и снова комок подкатил к горлу. Почему Дамига выгнала гостью?

Никогда такого не случилось. Бернард и Джим, двое европейцев, у которых сломалась машина, пять дней пережидали в шатре Дамиги песчаную бурю. Месяц в ее шатре провела старая Тамнут (возвращалась из Бериата в свое кочевье и внезапно занедужила). Друзья и родственники считали кров Дамиги — родным.

Гостью открыт любой шатер. Так велит пустыня, потому что человек, оставшийся без воды и крова, обречен на гибель. Почему мать нарушила закон? И что скажет старейшина? Известно ли Сетун-аху о случившемся?

Аминат с головой закуталась в покрывало. Ей

было почти так же холодно, как ночью под дождем.

Дамига сказала: «Я защищаю свой дом и своих детей.» Асех спросил: «От какой беды?» Мать не пожелала ответить, но настояла на своем. Она боялась незнакомки. Почему?

Аминат представила измученное лицо женщины, слипшиеся пряди волос, мокрую одежду. Незнакомка не казалось опасной. Слабой, измученной, беспомощной — только не опасной.

Девушка натянула на себя второе покрывало — никак не могла согреться.

Слабой? А была ли эта женщина слабой и беспомощной? Европейцы неохотно ездят по пустыне в одиночку. Она ехала. Куда?

Не в этом ли кроется отгадка? Аминат вспомнила, как еще до начала дождя рассказала матери о серебристом автомобиле. Дамига пресекла разговор.

Аминат отбросила покрывало. Да, мать догадалась, куда мчалась серебристая машина. Именно поэтому выгнала гостью. Боялась: та принесет с собой беду. Какую?

Чтобы понять это, надо узнать, куда направлялась женщина.

Аминат бессильно вздохнула. Горы. Пересохшее русло реки Хор. Пустыня. Ехать некуда.

Она лежала, закрыв глаза и стиснув зубы,

стараясь выровнять дыхание и унять дрожь. Постепенно ей это удалось. Дышать стало легче, и Аминат начала медленно согреваться.

В палатку проскользнула Алия, сообщила, что дождь кончился два часа назад, нещадно палит солнце и вода спадает.

— Земля просохнет быстро, в считанные часы, — вымолвила Аминат, думая о незнакомке: «Теперь она сможет уехать».

Горько вздохнув, Алия спросила:

— Тебе до сих пор плохо?

Аминат постаралась улыбнуться.

— Уже лучше.

Она догадывалась, что Алия жалеет ее, но еще больше — себя. В подтверждение ее мыслей, сестра пожаловалась:

— Все это время я посуду мыла. Отскребала котел. А он чуть не больше меня. Я едва могла его удержать. Зато оттерла до блеска.

— Молодец, — похвалила Аминат и поддразнида сестру: — Надо сказать маме, чтобы она позволила тебе всегда мыть посуду.

— Какая ты вредная! — вскочила Алия. — Ладно, тоже поплачешь! Асех тебя забыл. У той женщины светлая кожа и светлые волосы, и Асех остался с ней!

Аминат рассмеялась от неожиданности — до того нелепы были слова сестры и забавен ее гнев.

Разозлившись от этого смеха еще пуще, Алия вылетела из шатра.

Дерзость младшей сестры была возмутительна, но еще большую досаду вызвало ее бегство. Аминат не успела расспросить Алию и теперь не знала, что думать.

Правда, объяснения напрашивались сами собой — простые и логичные. Женщина, оскорбленная приемом Дамиги, наотрез отказалась заходить в другой шатер. Асех не бросил ее одну. Он не сумел оказать обещанное гостеприимство. И разве мог после этого развернуться и уйти спать?

Это получилось бы как в сказке о скверном хозяине.

«Стоит у ворот один богач. Вдруг видит: мимо едет всадник — пылью покрыт с головы до ног, от усталости еле в седле держится. У богача и сорвались с уст вежливые слова:

«Остановись, друг, отдохни.»

Думал богач, путник спасибо скажет и поедет своей дорогой. А всадник охотно соскочил на землю. Поблагодарил:

— Спасибо, друг. Укажи только, где коня привязать.

— Привяжи к моему длинному языку, — вздохнул богач.»

Вспомнив сказку, Аминат улыбнулась.

Асех повел себя, как должно. Да. Слова о

светлой коже и светлых волосах — пустая болтовня глупой девчонки.

Алия не знает простой истины: не может быть плохим мужем тот, кто был хорошим сыном и братом. Разве отец Асеха хоть раз пожаловался на сына? Разве его мать и сестра плакали от обиды? Разве его братья не имели учителя и заступника?

Она не первый день знает Асеха. На дальнем кочевье, когда иссяк колодец, он отдал свою воду больному другу. Этой ночью, невзирая на дождь и холод, кинулся спасать попавшую в беду незнакомку.

«Почему же он до сих пор не пришел меня повидать?» Аминат пошарила в изголовье, но мокрую и грязную одежду мать забрала, а чистую не оставила. Аминат с трудом подтянула к себе большой узел. Несколько минут полежала, отдыхая, затем развязала узел и принялась искать рубашку и шаровары. Под руки почему-то попадались то темные одеяния матери, то пестрые — Алии. Из своих вещей она нашла лишь бледно-голубой праздничный наряд. В другой раз Аминат не посмела бы взять его без позволения матери, но сейчас ей было все равно. Мечтала об одном — поскорее одеться, выйти из шатра и разыскать Асеха.

Полотнище у входа откинулось, хлынул поток света — Аминат отвернулась, зажмурилась.

Услышала голос матери:

— Я велела тебе лежать.

Аминат сидела на циновке, упрямо сжимая в руках рубашку и шаровары. Дамига внимательно посмотрела на нее, затем опустила тяжелое полотнище, подошла к дочери и отобрала у нее праздничный наряд; Аминат так и осталась в одной нижней рубахе.

— Рано тебе вставать.

Спрятав вещи, она туго затянула узел и отодвинула как можно дальше. Потом опустилась на колени рядом с Аминат, коснулась ее лба. Мягко сказала:

— Нужно отдохнуть.

Аминат бессильно закрыла глаза. Почувствовала внезапно, что встать не сможет — такая накатила слабость. «Но нельзя и лежать, терзаясь пустыми мыслями.»

— Дай мне какую-нибудь работу, — попросила она у матери.

Дамига слегка отодвинула полог — так, чтобы в узкую щель проникал свет, затем бросила возле постели дочери ворох разноцветных рубашек и шаровар. Это была одежда младших детей.

— Разбери. Посмотри, что можно залатать, что перешить, а что годится на одни лоскутки.

Аминат приподнялась на локте и начала перебирать детскую одежонку. И все время

прислушивалась, не идет ли Асех. Скоро напряженное ожидание так ее истомило, что Аминат начала вздрагивать от любого шороха. Тогда она поняла: надо занять не только руки, но и голову.

Она тихонько запела, но песни вспоминались самые грустные.

«Десять дней провел я в пустыне. Десять дней слеп от солнца. Десять дней томился жаждой. Десять дней говорил сам с собой.

Десять дней я был одинок.

Я вернулся домой. И что же? Ты не слышишь моих речей, и я снова говорю сам с собой. В твоём сердце не осталось нежности, и я напрасно томлюсь жаждой любви. Ты не смотришь на меня, и глаза мои слепнут от горя.

Я опять одинок, а значит, вокруг — пустыня.»

Расстроившись от песен, Аминат попыталась вспомнить сказку о Джафаре и Фатиме. Но вместо этого ей пришли на ум другие слова:

«Рассказывают также, что Гарун-аль-Рашид повелел распять визиря Джафара и стража месяца не дозволяла снять тело с креста...»

И снова Аминат охватило болезненное недоумение. Как такое могло случиться? Необходимо проникнуть в эту тайну, найти

объяснение.

Казалось, тогда прояснятся и загадки, окружавшие ее саму.

Аминат представила дивный сад, окружавший дворец калифа.

Абрикосы и персики, финики и гранаты росли в том саду. Повсюду журчали фонтаны и слышалось пение райских птиц.

Во дворце сотни светильников озаряли парчовые кушетки и узорчатые ковры. Только залы и галереи дворца были пусты. Не слышалось веселой болтовни придворных, шепота и смеха невольниц, перезвона струн.

Недобрая тишина царила во дворце калифа. Придворные скрылись в своих комнатах, никто не призывал певиц и танцовщиц.

Ситт-Зубейда, любимая жена повелителя правоверных, заперлась в покоях и никого не допускала.

Страх поселился во дворце. Если визирь Джафар, могущественнейший из могущественных, преданнейший из преданных, приговорен к смерти, то как остальным не трепетать за свою жалкую жизнь?

...Редко кому удается заснуть в ночь перед казнью. Визирь Джафар не был исключением. В узкое окно проникал лунный свет, серебрил узкогорлый кувшин и высокий кубок. Визиря не

бросили в подземную темницу. Тюрьмой ему стала собственная комната. Тюрьмой на одну ночь. А утром — мучительная казнь на кресте.

Визирь не боялся ни мучений, ни смерти. Но он не знал за собой вины и не желал умирать. Он думал о брате, осудившем его на смерть. И о своей любимой жене Фатиме.

И прекрасная Фатима думала о муже. Она сидела на низком диване, обняв руками колени, и смотрела, как лунный луч медленно ползет от чаши фонтана к настенному ковру. Фатима знала: коснувшись ковра, луч потускнеет и растворится в блеклом утреннем свете. Взойдет солнце, и мужа ее поведут на казнь.

Пока серебристый луч не достиг ковра, нужно придумать, как спасти Джафара.

Аминат проснулась оттого, что младшие братья, играя, с визгом опрокинулись ей на ноги. Увидев, что потревожили сестру, сорванцы умчались. Первым выскочил пятилетний брат, за ним выкатился более упитанный и менее проворный трехлетний.

Тяжелый полог и одно из боковых полотнищ были откинуты, и свежий воздух вливался в шатер. Небо после дождя посветлело, утратило тяжелую густую синь, став бледно-лазурным. Дышалось легко. Воздух наполнился тысячей запахов — воды, влажной земли, травы. Не было только привычного

запаха, пропитавшего и одежду, и волосы, и ткань шатра — запаха пыли.

Аминат пила свежий воздух, как воду. Казалось, с каждым вдохом прибывают силы. Она чувствовала, что горло уже не болит, исчезла сухость во рту, тяжесть в голове и ломота во всем теле.

Что ж, теперь она в силах выйти навстречу Асеху, ели тот не желает заходить в шатер Дамиги.

Она поискала взглядом одежду, не нашла и решила закутаться в покрывало. В это время в шатер заглянула Алия. Аминат встретила ее лукавой улыбкой.

— Войди, сестра. Расскажи новости. Чем занята белокурая женщина? По-прежнему пленяет сердца наших мужчин? Ты теперь взрослая и все знаешь.

Алия не выносила насмешек над собой, а потому мгновенно вскипела и крикнула:

— Она уехала! Вместе с Асехом! Он усадил ее на свою лошадь. Тебе и теперь смешно, а?

Аминат тихонько вздохнула. Неужели в детстве была такой же противной?

Алия, сама испугавшись сказанного, залилась слезами.

— Успокойся, — сжалилась старшая сестра.

Всхлипывания постепенно затихли.

— Теперь скажи, куда они уехали.

— Не зна-аю, — прохныкала Алия.

— Ты видела, как они уезжали?

— Нет.

— Почему же ты думаешь, что они уехали вместе?

— Мирит сказала.

— Даже они уехали вместе, разве Асех покинул бы племя без разрешения Сетун-аха?

Алия немного подумала. Сказала по-взрослому:

— Уехать он мог, но не сумел бы вернуться.

— Верно, — подтвердила Аминат. — За своеволие одна кара — изгнание. Неужели ты думаешь, что Асех отправился в изгнание?

— Нет, — Алия неуверенно покачала головой. — Не думаю... Но та женщина очень красива...

Аминат улыбнулась чуть шире.

— Кто тебе это сказал?

— Мирит.

— Мирит — глупая болтушка. У нее одно на уме: кто на кого посмотрел и кто в кого влюблен. А тебе стыдно порочить Асеха. Когда у тебя рана загноилась, кто не испугался пыльной бури и пошел в Бериат за врачом?

— Я не порочила, — прошептала Алия.

— Да? По-твоему, Асех ради женщины оставил отца и братьев? Он уже не будет им опорой

и утешением — потому, что его ослепили белая кожа и светлые волосы. Вот что ты сказала.

— Я поняла, — созналась Алия. — Прости. Мирит я отвечу...

— Ответь, что Асех мог покинуть кочевье только с позволения Сетун-аха. Женщина просила о помощи. Она сбилась с дороги. А кто лучше Асеха знает каждый холм и каждую лощину, каждый колодец и каждый соляной котел?

— А куда она ехала? — любопытствовала Алия.

Аминат на мгновение запнулась.

— Вернется Асех — узнаем.

— Алия! — послышался звонкий голос двенадцатилетней Рахи. — Ты идешь?

— Алия придет чуть позже, — откликнулась Аминат вместо сестры.

Алия горько вздохнула.

Вечернее солнце заглянуло в шатер. Аминат с наслаждением подставила лицо и руки теплым лучам. На краткие минуты перед тем, как скатиться в лощину, солнце переставало палить и начинало согревать.

Алия ерзала на месте, кусала ногти, тихонько вздыхала и бросала на старшую сестру сердитые взгляды исподлобья. Она уже представляла веселый круг ребятишек, сочинявших истории, где все слова начинались с одной буквы. Слышала, как Гамиль,

старший из ребят, говорит с хрипотцой: «Трава трепетала. Торопливо тронулись тучи. Теленок тихонько топтался. Томилась тоской Турет. Туах тянул тетиву. Тогда...» — он запинается, оглядывается по сторонам, видит кусты и радостно подхватывает: «Тогда тамариск...» На этом его фантазия заканчивается. Гамиль снова умолкает. Кто-то шепотом подсказывает: «Тамариск трусливо тонул.» Гамиль машет рукой и басовито хохочет, признавая свое поражение. Дружно заливаются смехом и остальные ребяташки. Рахи кричит: «Кто следующий?»

— Послушай, Алия, — негромко промолвила Аминат, и сестре пришлось подвинуться, чтобы различить ее слова. — Ты сидела рядом. Должна была рассмотреть незнакомку, когда мама зажгла огонь.

Алия, забыв обо всем на свете, увлеченно шевелила губами: «Твоя тень теряется только тут...»

— Алия!

— А-а... — без всякого интереса протянула младшая и вдруг спохватилась: — Мама запретила о ней говорить.

— Давно ли ты стала такой послушной? — нарочито удивилась Аминат.

— Мама велела молчать, — упорствовала Алия, надеясь поскорее убежать.

— А кто болтал с Мирит?

Алия испугалась, что сестра расскажет обо всем матери. Подсела ближе к Аминат и взялась уговаривать:

— Ты же не расскажешь, правда? Ты не ябеда!

— Не скажу, — успокоила старшая сестра. — Только вспомни, что в ней было особенного?

— Не знаю, — ответила Алия, серьезно поразмыслив. — Женщина как женщина. Худая. Одета нелепо: ночью замерзнет, днем — кожу спалит. Только башмаки хорошие, прочные. Да, она же была в одной перчатке! Очень грязной.

— Конечно, она же возилась с машиной.

— На руке кольцо с камешком. Камешек маленький, прозрачный, а блестит...

Алия замолчала, а потом, оживившись, спросила:

— Интересно, какие подарки привезет отец из Лагхара? Маме, наверное, опять цепочки и ожерелья... Тете Беру и дяде Шалиму в Бериа те — конечно, книги. Тебе он обещал новый наряд... Братьям — игрушечные мечи и сабли... А мне что?

Алия, повторяя жест матери, задумчиво потерла лоб. Сказала как бы про себя:

— Моя кукла совсем истрепалась. И лицо у нее выцвело. Не разберешь, где глаза, где рот...

Видя, что сестра опять отвлеклась и толку от нее не добиться, Аминат сжалилась:

— Беги, играй.

Алия взвилась с места, опрометью кинулась прочь из шатра. Аминат едва успела крикнуть ей вслед:

— Скажи матери, я уже справилась с работой!

И почти сразу она услышала, как Алия пронзительно зовет:

— Ма-а-ам! Мама! Аминат проснулась.

В шатер быстро и беззвучно вошла мать. Через руку ее была перекинута выстиранная и высушенная одежда Аминат. Дамига тревожно посмотрела на дочь.

— Вот, — Аминат показала три стопки разноцветной одежды. — На шаровары я поставлю заплатки, рубашки перешью для братьев... Это придется отдать Михеб, пусть кукол мастерит.

Дамига мельком взглянула на рваную одежду и села рядом с дочерью.

— Мама, мне лучше, — сказала Аминат. — Могу я навестить Намит?

Дамига пощупала ее лоб, затем заставила дочь повернуться к свету и начала вглядываться в ее лицо. Это продолжалось так долго, что Аминат устала. Дамига слегка улыбнулась.

— Вижу, тебе и вправду лучше. Иди. Ты напугала меня сегодня.

Голос матери был так ласков, что Аминат захотелось остаться в шатре, прильнуть к

материнскому плечу и расспросить обо всем, что мучило и томило.

Но она знала, что это бесполезно. Старшим вопросов не задают. Желай Дамига объяснить происшедшее, давно бы объяснила. Однако она молчала. Следовательно, и расспросы ни к чему не приведут. Аминат легко представила весь разговор.

«Мама, почему ты ничего мне не скажешь?»

«Разве ты спрашиваешь солнце, почему оно сжигает траву? Или песок, почему он впитывает воду?»

«Они не могут ответить, но ты можешь.»

«Ты спрашиваешь, почему я прогнала чужеземку. А хочешь узнать, почему ушел Асех. Так не все ли равно, почему женщина изгнана? Спрашивай Асеха, почему он ушел.»

Дамига подала дочери чистую одежду. Аминат поблагодарила. Оделась, торопливо накинула головной платок, перевязала черным шнурком.

Солнце спустилось низко. Тени от шатров выцвели и удлинились. Синеватый мрак залег в складках Румяных гор, желтовато-коричневые безлесые вершины запылали вечерним румянцем.

Наступал час отдыха. Кони были расседланы, овцы и козы — подоены. Взрослые расходились по шатрам, окликали заигравшихся детей. Женщины разводили огонь, расстилали покрывала, ставили

блюда и кувшины. Мужчины священнодействовали возле чайников, приготавливая горячий сладкий напиток.

Аминат взяла скребницу и щетку, отправилась к лошадям. Она стосковалась по Намит, и белая кобыла стосковалась по хозяйке, так что еще издали приветствовала ее громким ржанием. Приговаривая ласковые слова, Аминат скормила любимице две белых лепешки. Затем вычистила Намит, расчесала гриву и хвост, и еще раз приласкала, рассказала, как без нее томилась. Пообещала:

— Завтра помчимся вскачь по равнине.

Небо потемнело, стало густо-лиловым. Пустыня дохнула холодом.

Тем ярче показался огонь в шатре. Возле огня, как обычно, собрались любители сказок. Сестры матери со своими мужьями, Алия с подружками.

Аминат опустила за собой полог и тихонько вздохнула, зная, что Асех не придет. Ей трудно было вынести испытующий взгляд матери, и Аминат постаралась укрыться в углу. Но тут же раздался властный голос Дамиги:

— Ты замерзла, Аминат. Садись к огню.

Девушка не осмелилась перечить. Придвинулась к огню, обхватила колени. Раньше она любила сидеть неподвижно, глядя на языки пламени, но сейчас ее беспокоил неотрывный и тревожный взгляд матери. Аминат надеялась, что

Дамига отвлечется, рассказывая сказку, но черед сказки еще не настал.

Младшие сестры матери запели. У обеих были чудесные голоса. У старшей — низкий, полнозвучный. У младшей — легкий, звонкий, серебристый. Слушая их пение, Аминат всегда вспоминала, как гостила в Бериате у тети и раскрыла книгу старинных миниатюр. По каждой странице вился орнамент, но Аминат особенно понравился один: красные и синие линии переплетались, образуя причудливую вязь.

Так же затейливо переплетались голоса сестер. Ритмичный припев часто повторялся:

«Моя песня, как небо, чиста и просторна.»

«Мой голос, как песок, светел и горяч.»

Песня была длинной, в ней говорилось о закатах и рассветах, о засухе и дождях, а еще — о том, что на закате или на рассвете, в пору засухи или в сезон дождей нет большей радости, чем петь песни.

Дамига обеспокоенно смотрела на дочь. Снова и снова ловя взгляд матери, Аминат разволновалась всерьез. Она уже не чувствовала жара пламени, не слышала чарующего пения. Старалась угадать, о чем думала мать? Что так встревожило всегда спокойную и сдержанную Дамигу?

Возможно, она вспоминала о вчерашнем? О том, как сурово изгнала гостью? Нет, Аминат ясно

чувствовала: мать тревожится о ней. «Что может со мной случиться?» Она была здорова, вынослива, любима родителями, окружена братьями и сестрами. И впереди ждала только радость — замужество, собственные дети...

Внезапно Аминат начала цепенеть, как лягушка в жару.

Она думала: Асех уехал на время — проводить женщину, помочь ей. День, другой — и он вернется. Надо смирить нетерпение и подождать.

А если он не вернется? Никогда не вернется?

Аминат подняла голову и посмотрела на мать. Дамига отвернулась и нарочито весело обратилась к детям:

— Какую сказку рассказать?

Ответ разобрать было невозможно, потому что все закричали хором.

Аминат опустила подбородок на сомкнутые колени. Мельком отметила, что шаровары на коленях светятся, давно пора поставить заплаты или перешить для Алии. Только в чем ходить самой? Истрепалась вся одежда, если не считать праздничного наряда. Хоть бери из приданого.

Из приданого.

Мать не хотела ее замужества. Знала: если Асех покинет племя, Аминат на долгие годы останется в шатре родителей, будет шить, готовить,

обучать младших детей читать и считать...

— Хорошо, я расскажу вам о веселом башмачнике.

Аминат знала эту историю наизусть, но и к новой сказке не могла бы прислушаться. Она видела золотистые пески, каменистую степь, обветренные скалы и лошадь, несшую двух всадников.

Неужели Асех уехал навсегда?

Почему?

Мирит сказала, и Алия за ней повторила: Асех увлекся светловолосой женщиной. Этой глупости верить нельзя. Нужно искать настоящую причину.

— *Тогда он нанялся водоносом, и к вечеру смог купить меда и лепешек.*

Аминат смотрела в огонь. Ей было жарко, невыносимо жарко, словно брела босиком по раскаленному песку.

Какой грех может быть хуже непослушания? Строптивых детей не наказывают. Их просто не замечают. Пусть живут, как хотят. Никто не спросит, голодны ли они, не изнывают ли от жажды. Так длится до тех пор, пока дети не усвоят первый урок пустыни — повиновение. Первая заповедь для каждого — нет своей воли, но есть воля племени.

Со взрослыми строптивцами поступают строже. Кара одна — изгнание.

Суров закон пустыни. Суров и мудр. Слишком тяжела жизнь среди камней и песка, когда от колодца до колодца многие километры пути, а дожди выпадают раз в год. В пустыне своеволие одного человека может обернуться гибелью всего племени.

Асех знал это так же твердо, как знает она, Аминат. И не мог уехать по собственной прихоти.

А почему же тогда?

«Он уехал потому, что не мог остаться, — сказала себе Аминат. — Верно, его пребывание в племени грозило обернуться бедой. Не для него одного — для всех.»

Разгадка забрезжила, словно солнце сквозь пелену песка.

Дамига прогнала женщину, потому что считала ее опасной. Асех не желал бросить гостью в беде и пошел следом. И сам сделался отверженным.

Из-за чего?

Аминат готова была поклясться, что когда Асех выскочил из палатки Дамиги, он еще не думал оставить племя. Принял решение в те часы, пока вместе с женщиной переждал дождь.

Что же случилось за это время?

— Отодвинься от огня, — шепнула Алия. — Ты вся красная.

Аминат прижала ладони к щекам и подалась

назад.

Говорят, бывает страсть, как болезнь. Допустим, Асех не мог жить без той женщины? Аминат язвительно хмыкнула. Такими отгадками пусть себя тешит Мирит. Это в духе истории, какую им рассказывали в школе.

Юноша и девушка из враждебных племен поженились против воли родителей. А потом юноша убил брата своей жены. А жена спрятала его от мести своих родных.

Этого Аминат не могла постичь. Может, в северных краях, где солнце греет плохо, у людей кровь холоднее, чем у сынов пустыни? Тот, кто вырос под палящим солнцем, не прощает убийства родича. Разве могла бы она сама пощадить убийцу Алии, или Мустафы, или Хабира?

В той истории юных строптивцев постигла смерть. Вполне заслуженная, как полагала Аминат. Что иное могло ждать тех, кто повиновался лишь голосу страсти?

Она не смеет равнять Асеха с такими людьми.

— *Если человек этот невиновен, пусть меч в моей руке станет деревянным,* — говорила Дамига. — *Он снял ножны и обнажил деревянный меч.*

Аминат вздрогнула. Громким хохотом дети приветствовали окончание истории о веселом башмачнике. И, как обычно, и дети, и взрослые тут

же принялись требовать новую сказку.

Молчала одна Аминат. Хотела, чтобы все поскорее разошлись. Она не в силах была дождаться, пока огонь погасят и в шатре воцарится тишина. Но дети еще не насытились волшебными историями. Приходилось терпеть.

«Думай, Аминат, — приказала она себе. — Думай. Что разглядела мать в той женщине, чего не заметила Алия?»

Она вспомнила, как Алия упомянула о кольце с блестящим камнем. «Может, это какое-нибудь особое кольцо? Оно свидетельствует, что прадедушка незнакомки убил нашего прадедушку?»

От такой догадки Аминат самой стало смешно. Во-первых, их прадедушку никто не убивал. Он умер на сто первом году жизни — трое суток нес по пустыне больного родича и надорвался. Во-вторых, окажись женщина родней убийцы, это не вынудило бы Асеха бежать.

Нет, начинать надо с другого. Нужно узнать, куда и зачем ехала белокожая женщина.

— *Кожа ее была нежна и бела, подобно лунному свету.*

Удивленная Аминат прислушалась. О ком говорила мать?

«*Девушку звали Кут-аль-Кутлуб. Среди невольниц она выделялась, как луна среди звезд. Дыхание ее источало аромат амбры и алоэ, стан*

был подобен гибкой лозе, брови — полумесяцу, глаза — звездам. Она находилась в первом цветении юности и благосклонный взгляд владыки отметил ее совершенства.

«Кто ее хозяин?» — спросил Гарун-аль-Рашид.

«Невольница принадлежит мне,» — прошамкал старик, украшавший собой дворцовый зал так, как в праздничный день стоптанные башмаки украшают ноги.

Был он морщинист, как обезьяна, и горбат, как верблюд. Он славился жадностью сборщика податей и ослиным упрямством.

«Лицо этой девушки услаждает мой взор, ее голос услаждает мой слух, — сказал калиф. — Продай мне свою невольницу.»

«Нет, владыка, — отвечал упрямый старик, — не продам.»

«Не сливается огонь с водой, юность со старостью. Продай мне эту девушку.»

«Нет, владыка, — отвечал упрямый старик, — не продам.»

«Не цветет лотос в песках, не поет соловей в клетке. Продай мне эту девушку.»

«Нет, владыка, — отвечал упрямый старик, — не продам.»

«Будь я трижды разведен со своей женой, если ты не отдашь мне Кут-аль-Кутлуб!» —

вскричал владыка.

«Будь я трижды разведен со своей женой, если отдам!» — отвечал упрямый старик.»

— Не понимаю, — жалобно протянула Алия.

Дамига объяснила:

— Каждый из них поклялся развестись со своей женой. Чтобы развестись, нужно трижды заявить об этом. Вот каждый из них и воскликнул: «Будь я трижды разведен!»

— Они в западню попали, — засмеялась Алия. — Калиф заберет девушку — старик должен развестись. Старик не уступит...

— Придется калифу прогнать Ситт-Зубейду, любимую жену.

«Так и надо, — мрачно заключила Аминат. — Нечего заглядываться на белокожих красавиц.»

«Опомнился калиф и разгневался. Опомнился старик и утрашился. Приник лбом к полу, трепещет как лист.

Говорит калиф:

«Не сносить тебе головы, если не присоветуешь, что делать.»

«Пошли за визирем Джафаром, — пролепетал старик. — Он мудрый советник.»

Призвал калиф Джафара. Сказал:

«Твой повелитель и его недостойный слуга погорячились. Каждый поклялся страшной клятвой, что не уступит другому прекрасную

Кут-аль-Кутлуб. Как теперь быть?»

Улыбнулся Джафар.

«Да будет владыка славен и здоров. Такой пустяк не стоит его огорчения. Пусть недостойный слуга освободит прекрасную Кут-аль-Кутлуб, и она последует за тем, к кому повлечет ее сердце.»

Так и сделали. Нетрудно угадать, к кому повлекло сердце прекрасную Кут-аль-Кутлуб.»

— К калифу! — хором закричали дети.

«Любопытно, как это приняла Ситт-Зубейда?» — угрюмо размышляла Аминат.

Однако об этом она гадала недолго и снова вернулась мыслями к Асеху и белокурой женщине. Думала о них и после того, как разошлись гости и был погашен огонь. Крепко спали младшие братья и сестра, ворочаясь и посапывая. Только по ровному дыханию матери нельзя было понять, спит Дамига или тоже томится бессонницей.

* * *

Следующий день был кануном веселого праздника Таби ш. После этого праздника племя обычно снималось с кочевья и начинало неспешный переход на юг, вдоль русла реки Хор. По прошествии нескольких недель кочевники достигали Мутной впадины, где заканчивали свой

путь воды реки. К тому времени река пересыхала, но успевала напитать землю. На пастбищах у Мутной впадины племя разделялось. Коз и овец гнали назад, к горам, а более выносливых и менее прихотливых в пище верблюдов вели на дальние кочевья — от колодца к колодцу, в самое сердце пустыни. В засушливые месяцы, во время иссушающих ветров и пыльных бурь племя объединялось вновь.

Аминат поднялась рано и, поднявшись, уже не знала покоя. Месила тесто и пекла лепешки, готовила к вечеру лакомство из тертого инжира, фиников, орехов и меда. Занималась с братьями — с трехлетним изучала буквы, с пятилетним — цифры. Лечила гнойник на лапе вислоухого пса. Стирала (нельзя было терять дней, пока вода в избытке), шила, собирала нехитрый скарб, чтобы следующим утром без задержки отправиться в путь.

Впрочем, в этот день трудились все — даже дети не собирались для шумных игр. Алия беспрекословно носила воду, колола орехи, мыла финики, развешивала белье, складывала игрушки, словом, проявляла редкое усердие. Хорошо знала поверье — тот, кто удостоится похвалы в день Табиш, будет вознаграждаться весь год.

В середине дня Дамига посмотрела на старшую дочь и сказала:

— Отдохни.

Аминат, разведившая огонь, беспрекословно отошла в сторону. Выполняя обычную работу, она устала сильнее, чем уставала прежде. И знала причину: раньше она трудилась с легким сердцем.

Получив разрешение матери, Аминат оседлала Намит и спустилась на равнину. Понеслась вскачь, как и обещала накануне своей любимице. Потом сдержала бег лошади и поехала вдоль многоводной реки, стараясь держаться в редкой тени акаций. Вскоре она поймала себя на том, что следует по отпечаткам лошадиных копыт. Судя по направлению, следы вели в соседнюю долину, в Этиаш. А может быть, и дальше. Куда?

Аминат спросила себя: кто и зачем ездит в пустыню? И ответила:

«Туристы любят миражами. Но еще ни один турист не забредал дальше Бериата. Торговцы собираются в Нубише. Конечно, им случается заезжать и в кочевье... Однако незнакомка направлялась не в кочевье, никак не в кочевье. Она оказалась в племени случайно: сбилась с дороги и повернула назад, к горам.

Ученые...»

Аминат выехала из тени акаций. Солнце пекло нещадно. Надеясь укрыться от жалящих лучей, Аминат направилась к гряде холмов. С сожалением она повернула прочь от четкой полосы следов. Ей хотелось двигаться по этим следам день и ночь,